

А. А. ТУРИЛОВ

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

**К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ
«ВТОРОГО ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ»
(ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ
И ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)**

*Светлой памяти проф. Анджея
(Андрея Витольдовича)
Поппа (1926–2019)*

У истоков изучения феномена «второго¹ южнославянского влияния» лежат, как всем известно, труды А. И. Соболевского (Соболевский 1894; Соболевский 1903: 1–37). Долгое время из-за высокого научного авторитета исследователя (в целом вполне оправданного) его наблюдения не подвергались сомнению и тем более не оспаривались. Причем основное внимание Соболевский сосредоточил на замене и расширении репертуара древнерусской книжности² между серединой XIV и серединой XV в. (Соболевский 1894: 890–892; Соболевский 1903: 4–9, 15–23), тогда как аспектам явления, которым посвящена данная работа (сюда следует прибавить смену стилей орнаментики и писчего материала), явно не придавал особого значения³. При этом он считал распространение «влияния» линейным, географически детерминированным – с юга на север, т. е. проходившим первоначально через Киев и далее отдельно в Белоруссию и Велико-

¹ Сам Соболевский, как видно из заглавия его работ, использовал понятие «южнославянское влияние». Дополнение «второе» вошло в научный оборот лишь к середине XX в. (см., например, Лихачев 1958).

² При этом Соболевский явно по недосмотру, не прибегая к анализу лексики и особенностей перевода, включил в число новых памятников довольно большую группу древних переводных текстов, не представленных более ранними списками (Турилов 1998а: 238, 255–260; Турилов 1998б: 162–163, 175–179).

³ «Конечно, замена одних начертаний букв другими и одной орфографии другою не имеет ценности» (Соболевский 1894: 895; Соболевский 1903: 13).

россию. Определенные основания для этого давали графика и художественное оформление (орнамент) Киевской Псалтыри 1397 г. (см. о ней: Вздорнов 1978; Вздорнов 1980: 94–96. Кат. 49), которую Соболевский справедливо считал написанной москвичом (протодьяконом Спиридоном / Спиридонием) в Киеве⁴.

Названные недостатки труда А. И. Соболевского объясняются рядом причин, первая из которых состоит в том, что автор стоял у самого истока разрабатываемой проблемы. К тому же он весьма скептически относился к вопросу надежности и точности датировки рукописей по филиграням (его речь была опубликована еще до издания первого тома исследования-справочника Н. П. Лихачева (Лихачев 1899))⁵. Скорее всего именно эта предвзятость в отношении

⁴ В украинской научной литературе устойчиво поддерживается мнение о написании рукописи в Киеве, но при этом игнорируется факт московского происхождения Спиридона / Спиридония. См., например, (Логвин 1971; Запаско 1995: 55–60, 271–279). С творческим наследием этого книгописца вообще связано много труднообъяснимых недоразумений. Так, Е. Э. Гранстрем считала, что он написал Евангелие 1393 г. (Ф.п.1.18) в Киеве (Гранстрем 1953: 36), очевидно полагая, что его заказчик, серпуховской князь Владимир Андреевич, постоянно бывавший в Москве, не мог найти опытного писца-каллиграфа где-то поближе. Однако подлинным шедевром разгула исследовательского воображения являются статьи С. Г. Жемайтиса (Жемайтис 2005; Жемайтис 2010), приписывающего Спиридону литовское происхождение и одновременно предлагающего считать его вторым после митрополита (!) лицом в иерархии западной (польско-литовской) части Киевской митрополии.

⁵ Впрочем, и выход в свет труда Н. П. Лихачева нимало не сказался на скепсисе Соболевского в оценке датировки по филиграням («Так как истории писчебумажных фабрик не существует и мы не знаем, сколько времени существовал тот или другой водяной знак, то мы должны пользоваться водяными знаками в палеографических целях с большой осторожностью и не претендовать на определение при их помощи десятилетий и вообще небольших периодов времени. Но иногда водяные знаки... дают полезные указания на время написания рукописей в полустолетиях или по крайней мере в столетиях» (Соболевский 1908: 42)) – достаточно вспомнить, с каким упорством он настаивал на датировке Лицевого летописного свода Ивана Грозного XVII в. (Амосов 1998: 85–92 и др.). Другие палеографы-лингвисты, его современники, относились к показаниям филиграней с гораздо большим

филигранологии помешала Соболевскому заметить этап в истории русско-южнославянских связей, выходящий за пределы классического «второго южнославянского влияния» (конец XV – середина XVI вв.)⁶.

Впервые вплотную к постановке проблемы, вынесенной в подзаголовок работы, подошел через 80 с лишним лет после программной речи Соболевского выдающийся польский историк-русист Анджей Поппэ в своей статье 1976 г. (Поппэ 1976). Однако она была написана по конкретному вопросу, в связи с датировкой кириллических надписей⁷ на так называемых Корсунских (они же Плоцкие, они же Магдебургские, они же Сигтунские) вратах Софийского собора в Новгороде. Заметно и убедительно уточнив ее примерно до середины

доверием и посвятили им в своих учебниках и справочниках существенно большие разделы (Щепкин 1967 (1-е изд. вышло в 1920 г.): 100–103); Карский 1928: 99–100; Кульбакин 2008 (работа над рукописью прервана ок. 1928–1929 гг.): 23–25). С консерватизмом Соболевского в отношении датирующего потенциала филиграней совпадает лишь отношение П. А. Лаврова, в классическом труде которого (Лавров 1914) вопрос о датировке по водяным знакам просто не ставится. При этом, правда, нельзя не отметить, что Щепкин, как и Соболевский, не ставит вопроса о региональных вариантах «второго южнославянского влияния», но нельзя исключить того, что Щепкин как кадет по партийной принадлежности (в отличие от монархиста и члена ультраправого «Союза русского народа» Соболевского), возможно, не мог (или, что гораздо менее вероятно, не хотел) работать с рукописями книгохранилищ духовного ведомства: напомним, что Софийское собрание, хранящееся ныне в РНБ, в ту пору находилось в Петербургской духовной академии (о московских Синодальном и Типографском собраниях говорить, я думаю, излишне).

⁶ См. (Турилов 1982). К сожалению, во избежание терминологической путаницы, нельзя применять к нему определение «третье южнославянское влияние», поскольку этот термин уже «занят» (Успенский 1987: 311–512), причем, на мой взгляд, откровенно неудачно, так как речь идет здесь о влиянии только языка украинско-белорусской книжности на великорусскую.

⁷ До выхода в свет этой статьи датировка надписей на вратах (главным образом искусствоведом) колебалась от первой половины (?) XIV до начала XV в. Обзор мнений см. (Поппэ 1976: 193).

1430 – середины 1450-х гг. (Поппэ 1976: 198)⁸. Для датировки памятника он привлек как памятники вещевой палеографии (причем не только новгородские), так и почерки датированных новгородских рукописей⁹. При этом, судя по всему, исследователь придерживался идущей от Соболевского ошибочной идеи о прямолинейном характере распространения «влияния» – из Константинополя и с Афона сначала в Киев, и лишь оттуда радиально на северо-восток (Москва), север (Новгород) и северо-запад (Великое княжество Литовское) (Поппэ 1976: 198)).

К большому сожалению, статья Поппэ в силу ее издания в искусствоведческом сборнике не привлекала до 1990-х гг. должного внимания книговедов, лингвистов и палеографов (см.: Розов 1981; Успенский 1989; Гальченко 1997)¹⁰. Лишь во второй половине 2010-х гг. взгляды Поппэ через посредство исследований частных вопросов и

⁸ 20 лет спустя, несомненно под влиянием статьи А. В. Поппэ, датировка надписей на вратах была ограничена «сверху» 1450 г., когда они впервые упомянуты в Новгородской III летописи (Рындина 1996: 258. Кат. № 64.).

⁹ О них см. (Поппэ 1976: 196–198, 200).

¹⁰ Здесь уместно задаться вопросом полумемуарного характера – почему на данную особенность памятников новгородской письменности не обратил (в отличие от Поппэ) в процессе просмотра датированных рукописей XV в. внимания автор этих строк, тема кандидатской диссертации которого до 1979 г. звучала как «Второе южнославянское влияние и проблема развития местных школ русской письменности». За давностью лет ответить на него не представляется возможным, хотя я честно смотрел все русские датированные рукописи, ориентируясь на материалы Предварительного списка XV в. Причина явно не в том, что из-за капризов руководства ОР ГИМ (собственно, М. В. Щепкиной) меня не допускали для работы в отделе, где сосредоточена (наряду с Типографским собранием ЦГАДА / РГАДА) едва ли не ббольшая часть датированных новгородских и псковских пергаменных рукописей, поскольку Поппэ в своей статье ссылается почти исключительно на примеры из ГПБ/РНБ (Поппэ 1976: 198, 200). В какой-то мере извиняет меня (хотя, разумеется, не оправдывает) лишь то, что и Н. Н. Розов, будучи многолетним сотрудником ГПБ, ни слова не говорит в своей книге об особенностях хранящихся у них новгородских и псковских рукописей (при том, что приводит запись писца из псковского Стихираря 1422 г. (Розов 1981: 23)).

отдельных памятников – (см. ниже) получили хотя бы частичное отражение в фундаментальном труде В. М. Живова (Живов 2017: 835).

Но, разумеется, в работах, посвященных частным вопросам – центрам книгописания, книгописцам и конкретным рукописям – проблема стала разрабатываться гораздо (примерно на четверть столетия) раньше (Бобров 1991; Турилов 1992; Гальченко 1994а; Гальченко 1994б; Гальченко 1994в; Гальченко 1996; Гальченко 1997а; Гальченко 1997б; Гальченко, Яценко 1997; Гальченко 1998; Гальченко 2000; Гальченко 2001: 325–436; Левшина 2013 и др.). Здесь, конечно, особо стоит отметить безвременно ушедшую из жизни Марию Георгиевну Гальченко (1963–2000), которая внесла неоценимый вклад в разработку проблемы (см. список литературы) именно как лингвист и палеограф. Особо стоит отметить посмертно опубликованную Сводную таблицу графико-орфографических данных из 165 (!) датированных древнерусских рукописей конца XIV – XV вв. (Гальченко 2001: 325–436). На этом фоне резко выделяется квазипатриотическая позиция Л. П. Жуковской, с завидной настойчивостью отрицавшей именно данный аспект «второго южнославянского влияния» (другими, впрочем, она не интересовалась и не занималась) и вообще предлагавшей заменить этот термин «грецизацией и архаизацией» русского языка, начало которых она относила ко второй половине XV в. (Жуковская 1982; Жуковская 1987)¹¹.

Во многом (во всяком случае в отношении автора этих строк) работа была начата в середине 1980-х гг. в связи с подготовкой первого тома СК XIV, которая потребовала тщательной проверки датировок рукописей, которые предполагалось в него включить (см.: ПС XV доп.: 43–47; СК XIV: 559–591 (Прилож. 1), 592–564 (Прилож. 2), 753–761). И эта работа легла в основном на мои плечи (меня, впрочем, никто к этому не принуждал).

Начать рассмотрение уместно, естественно, с рукописей, написанных восточнославянскими писцами в традиционных центрах греко-славянских межславянских церковных и культурных контактов – в Константинополе и на Афоне. К сожалению, их весьма немного (см.:

¹¹ Критический разбор концепции Л. П. Жуковской и ее методологических погрешностей см. в (Живов 2017: 834–835).

Соболевский 1894: 899–900; Вздорнов 1968; Гальченко, Яценко 1997)¹², особенно же мало здесь памятников до конца XIV в. Они не организуют особой группы, четко отграниченной от созданных на Руси, ни в отношении характера почерков¹³ и орнаментики (которой они откровенно скудны – см., к примеру, Турилов 2001: 439), ни в смысле писчего материала (есть и пергамен и бумага – правда, византийский, как правило, гораздо лучшего качества)¹⁴.

Предложенные А. И. Соболевским хронологические рамки «второго южнославянского влияния» (естественно, со сдвигом начала процесса до последней четверти – конца XIV в.) применимы, в сущности, только к Северо-Восточной Руси с Москвою в центре и во главе.

¹² Позднее выявлено, в сущности, только три памятника: 1) обширнейшие русские глоссы на полях сербской рукописи, дополняющие текст первой редакции перевода до второй в Словах постнических Исаака Сирина (РГБ, собр. МДА фонд., № 151. II – образец почерка: Древности Афона 2004: 180–181), уверенно атрибутированные Б. М. Клоссом во время презентации каталога известному Евсевию-Ефрему (см. там же, с. 195); 2) Слова постнические Василия Великого (ГИМ, собр. Уварова, 506-F, образец почерка там же, с. 179), написанные ок. 1397 г. (?) в неустановленном монастыре на Афоне (Турилов 2001) и, вероятно (атрибуция А. Л. Лифшица), 3) пергаменный Патерик Римский конца XIV (?) – начала XV в. (Вильнюс, ЦНБ АН Литвы, ф. 19, № 3), который А. И. Соболевский (Соболевский 1903: 5, примеч. 1) считал почему-то (вероятно из-за последовательно выдержанной (практически без отклонений) среднеболгарской орфографии), южнославянским, хотя он написан характерным русским уставом рубежа столетий и снабжен в начале пышной заставкой и инициалом тератологического стиля (см.: Николаеў 1993: 149).

¹³ См. (Гальченко 2001: 386–395). Возможно, впрочем, что почерки восточнославянских рукописей, созданных за пределами Руси, несколько опережают (хотя и не очень значительно) собственно русские. Примером может служить почерк Калинника (младшего из писцов), употребляющего одностроннее Ч, Ы с Ъ, а не с Ъ, «юс большой» специфической формы и часто следующего болгарской орфографии (Турилов 2001: 438–439).

¹⁴ Можно привести полуанекдотический пример подклейки бумажного листа, просекшегося по линии понтюзо, полосками замшевого пергамена в междустрочиях (Турилов 2001: 439).

Остальные части восточнославянского региона от нее заметно отстают (о причинах этого см. ниже). Памятники этой области хорошо изучены (Гальченко 1994а-в, Гальченко 1998, Гальченко 1999, Гальченко 2000, Гальченко 2001: 386–395; Турилов 1998а, Турилов 2004), образцы почерков и орнаментики опубликованы (Вздорнов 1978; Вздорнов 1980). Возникают лишь отдельные вопросы. Так, Тверь, кажется, идет в русле и хронологических рамках московских традиций (см.: Вздорнов 1980. Кат. № 21–23, 25–28; Кистерев 2001). Как тогда объяснить феномен Бориса «шестника Тверитина» (см. ниже, в разделе о Пскове)? Некоторое отставание заметно и в близлежащем от Москвы Переяславле Залесском (Вздорнов 1980. Кат. 86; Лифшиц 1995). Впрочем, в этом случае «отставание» может объясняться возрастом писцов.

Новгород и Новгородская земля, как известно, представляли собой один из древнейших районов древнерусского книгописания, при этом не пострадавший от монголо-татарского нашествия в XIII в. Поэтому нельзя удивляться устойчивости местной письменной традиции и ее склонности к консерватизму. В последнее время это подтвердил анализ графики берестяных грамот, где вплоть до середины XV в., не говоря уже о более раннем времени, не заметно следов «второго южнославянского влияния» (см.: Зализняк 2000: 214–215. Табл. 39). В рукописной книге перемены становятся заметны к концу 1420-х гг., примерно со времени архиепископства Евфимия II (1429–1458). Гораздо раньше (с 1390-х гг.) новации прослеживаются в книгописной продукции пригородного Богородицкого Лисицкого монастыря (Бобров 1991; Гальченко 1996; Гальченко 1997а). Он был основан в конце XIV в. как общежительный (о значении этого см. ниже, в заключении) и явно поддерживал связи с Москвой (первый его игумен, известный по имени, Иларион, в 1396 г. был переведен в московский Симонов монастырь), из его игуменов был поставлен на архиепископство Евфимий II, что, вероятно, и послужило своеобразным спусковым крючком для перемен в масштабах всего города. Лисицкие монахи совершали хождения на Афон и привозили с собою новые переводы, в том числе служебные минеи по иерусалимскому уставу, положив тем самым начало богослужебной реформе, ходили в Троице-Сергиев монастырь (Бобров 1991: 82–84, 86). В обители жил и работал писец-каллиграф Серапион, иногда ошибочно именуемый «Маза» (Бобров 1991: 88), который мог безошибочно воспроиз-

водить болгарскую орфографию (Левшина 2013). Но такие мастера встречались и вне Лисицкого монастыря. В РНБ хранится пергаменный свиток Ф.п.І.33 (явление для русской традиции исключительное), который в свое время Е. Э. Гранстрем описала, явно ориентируясь на правописание, как болгарскую рукопись XV в. (Гранстрем 1953: 85), не заметив, что на обороте содержится моление за архиепископа Великого Новгорода и Пскова¹⁵. С этого времени в новгородских памятниках наблюдается смена графики (и частично орфографии), замена тератологического орнамента на балканский и изредка неовизантийский (Смирнова 2011).

Псков, как известно, тоже не пострадал в XIII в. от монгольского нашествия и сохранил свою письменную культуру. «Второе южнославянское влияние» дошло до него еще медленнее, чем до Новгорода. Первый образец рукописи, написанной гибридным почерком, но на традиционном пергамене, датируется 1445 г. Это Трефолой (Минея праздничная со вставками из Триодей – ГИМ, Син. 872 (478) (Горский и Невоструев 1917: 138–153). Но традиционные уставные почерки продолжают благополучно существовать и позднее – см. (Бетин 1972, вклейка между с. 198–199). Сходная картина наблюдается и в надписях на иконах и на фресках (Турилов 2011: 201–220) – фрески Снетогорского монастыря под Псковом выполнены в 1465 г. Вероятно, смена графических и правописных норм завершается только в последней четверти XV в., после основания общежительного Спасо-Елеазарова монастыря (его первый настоятель – св. Ефросин Псковский скончался в 1481 г.

¹⁵ Не нужно думать, что такие мастера были только в Новгороде. Так, Евангелие тетр, написанное Мемноном книгописцем (БРАН, Доброх. 26), долгое время считалось болгарской рукописью, списанной с русского оригинала в конце XIII или начале XIV в. (Пергаменные рукописи 1976: 96–97, рис. 35), в частности в этом был убежден такой знаток южнославянской палеографии как П. А. Лавров (Лавров 1914: 135–137, рис. 129–130). Однако в реальности это русская (вероятно, московская) рукопись первой четверти – трети XIV в., списанная со среднеболгарской с сохранением не только орфографии (с редчайшими русизмами), но даже акцентуации (!) (Турилов 2010: 304–339).

Больше всего проблем, конечно, с характеристикой процесса на территории современных Украины и Белоруссии (в то время юга Польского королевства, Ужгородской епархии на северо-востоке Венгрии и восточнославянских земель Великого княжества Литовского). В Белоруссии памятники книгописания конца XIV – середины XV в. практически отсутствуют¹⁶, есть только грамоты, написанные книжным письмом (уставом и старшим полууставом), иногда на полях кодексов. Их почерки отличает редкая архаичность, самый поздний пример (правда, скорее уже как исключение) являет договор Полоцка с Ригой от 22 января 1478 (!) г.¹⁷ Об орфографии здесь говорить не приходится, так как тексты не книжные. Графических новаций здесь минимальное количество: язычковое или широкое Е вместо йотированного стабильно фиксируется с середины 1400-х гг. (договор между Полоцком и Ригой 1405 г. – см.: (Полоцкие грамоты 2015: XXXIII, илл. 32)), Ж с петлей справа с первой половины – середины 1440-х гг. (послание полоцкого архиепископа Симеона II совету Риги – см.: (Полоцкие грамоты 2015: XLI, илл. 40)), трехмачтовое Т с середины 1400-х гг. (жалованная грамота Витовта рижанам 1406 г. – см.: (Полоцкие грамоты 2015: XXXIX, илл. 38)), одностороннее Ч с рубежа 1450–1460-х гг. – см.: (Полоцкие грамоты

¹⁶ Единственной рукописью, которая могла претендовать на эту роль, известное время считалось «Друцкое Евангелие» (ГПНТБ СО РАН, собр. М. Н. Тихомирова, № 1), датированное по жалованной грамоте в нем 1400–1401 г. (СК XIV, № 187). Составители СК XIV не имели возможности работать с кодексом *de visu* и слепо доверились предыдущему описанию, где сказано, что грамота на л. 188об. написана «рукою писца» (Тихомиров 1968: 9). Позднее однако новосибирские филологи выяснили, что это не так, почерк самой рукописи совершенно другой, при этом грамота много каллиграфичнее (!) по письму (снимок грамоты см.: Тихомиров 1968: 11), чем кодекс, который написан новгородцем во второй половине XIV в. (впрочем, учитывая происхождение писца эта датировка нуждается в проверке и уточнении).

¹⁷ См.: (Полоцкие грамоты 2015: LXXIX, илл. 78). По общему облику почерк вполне укладывается в московские образцы рубежа XIV–XV вв. Из графических новаций здесь можно указать только широкое и высокое Е, Ж с почти петлеобразной левой половиной, З в форме цифры 3 с плоским верхом, трехмачтовое Т, одностороннее Ч, Ы через Ъ, «омегу» с высоким верхом.

2015: XLVIII)), Ы через Ъ где-то с середины 1430-х гг. (послание 1435–1436 г. пана Василя Дмитриевича, полоцких бояр, «местичей» и «всех полочан» совету Риги) – см: (Полоцкие грамоты 2015: XLIII, илл. 42)). Новый (даже не гибридный), южнославянский по типу, полуустав зафиксирован на рубеже 1430–1440-х гг. (вкладная 1441 г., написанная в Вильне, на Друцком Евангелии – см.: (Тихомиров 1968: 11)). Таким образом, в целом ситуация в Белоруссии соответствует даже не Новгороду, а скорее Пскову (см. выше).

Сходная картина в смысле скудости источников наблюдается и в отношении Украины, но здесь она дополнительно осложняется довольно устойчивыми мифами в отношении датировки и / или происхождения ряда рукописей. Разберемся с ними в хронологическом порядке. О Киевской Псалтыри уже шла речь выше. Далее по времени следует так называемый пергаменный «Ужгородский Полуустав» (Часослов с воследованием), хранившийся в Закарпатском краеведческом музее и похищенный оттуда в 1971 г. (Запаско 1995: 204, 206, № 52). В украинской литературе кодекс принято датировать второй половиной XIV в. и считать написанным в Закарпатье. И датировка, и локализация рукописи принадлежат А. М. Колессе (Колесса 1925)¹⁸, однако их трудно признать сколь-либо серьезно обоснованными. Автор, подобно другим деятелям национального возрождения, отличался многопрофильностью творчества (в частности, был поэтом) и уже в силу этого дилетантом в лингвистике и палеографии. Его наблюдения по части датировки и локализации рукописи (в частности, предположения о том, что она создана в Грушевском монастыре в Закарпатье и восходит к оригиналу киевского или близкого к Киеву происхождения), относятся к области научных фантазий¹⁹. Заслугой Колессы несомненно является выделение почерков в рукописи, но ее датировка второй половиной XIV в. не имеет под

¹⁸ Пользуюсь случаем поблагодарить о. Михаила Желтова, указавшего мне эту публикацию, так как ранее я не интересовался рукописью и не сомневался в ее датировке и локализации.

¹⁹ Разумеется, будучи сам не лингвистом, а историком, я (хотя и ничуть не был убежден лингвистической аргументацией Колессы), обратился за помощью к специалистам. Пользуюсь случаем от души поблагодарить С. Ю. Темчина, который сообщил, что в приведенных украинским исследователем примерах отсутствуют какие-либо диалектные особенности.

собой никаких оснований – это, несомненно, уже XV в., причем не очень ранний (образцы почерков см.: (Колесса 1925, вклейки между с. 2 и 3, 4 и 5, 18 и 19, 20 и 21, 28 и 21)²⁰.

Следующая рукопись («Королёвское» или «Нелабское» Евангелие тетр 1400–1401 г.) хранится в фондах того же Закарпатского краеведческого музея под № Арх.798 (Запаско 1995: 284–287). Оно датировано записью писца – Станислава Грамматика и датировка (6909 г.) вполне подтверждается показаниями филиграней. Однако признать ее украинской невозможно – и по почерку, и по орфографии, и по орнаментике (образцы см.: (Запаско 1995: 285, 287)) это болгарская (но не молдавская!) рукопись, написанная в закарпатском Королёве («Нелабском граде») болгаринном-эмигрантом, что справедливо отмечено уже в СК XIV (С. 462–463, № 313)²¹.

Обратимся еще к двум примерам псевдодатированных украинских рукописей этого периода. Обе они (это Евангелия тетр, написанные на бумаге) находятся в Киеве, в ЦНБ Украины имени Вернадского. Первая – так называемое «Киевское Евангелие 1411 г.» (ф. 308, № 548) неоднократно упоминается в работах А. И. Соболевского (см., например, (Соболевский 1899, № 54)), в датировке кодекса не сомневавшегося (филиграням он, как известно, не придавал должного значения), разделял это мнение и Е. Ф. Карский (Визирь 1976: 67). Между тем современные исследователи именно на основании водяных знаков имеют другое мнение, хотя и не во всем совпадающее. А. Н. Визирь (Визирь 1976: 67–69) датирует рукопись около середины XV в., а записи-грамоты 1411 и 1427 гг. на ней склонен считать подложными (и во всяком случае написаны не писцом кодекса); поскольку листы с записями в настоящее время утрачены, а Соболевский в 1899 г. издавал лист, с ними не связанный, вопрос остается открытым. Л. А. Гнатенко датирует кодекс практически так

²⁰ Дополнительным аргументом в пользу датировки «Полуустава» достаточно развитым (не ранее 1420-х гг.) XV в. являются его отрывки (ошибочно описанные как Псалтырь болгарского извода), хранящиеся в ОР БРАН (25.4.16). Отождествление мое, описание отрывков см.: (Пергаменные рукописи 1976: 185, рис. 55). Развернутая аргументация будет изложена в отдельной статье.

²¹ Подробная аргументация будет дана автором в отдельной статье.

же (серединой столетия), а надписи публикует по неизданной статье М. В. Геппенера, который датировал рукопись серединой – второй половиной века²²; своего мнения об аутентичности / подложности записей она не высказывает (Гнатенко 2003: 35–38). В графико-орфографическом отношении рукопись (Гнатенко 2003. Палеографический альбом. № 26) вполне соответствует современной датировке.

«Запись писца» якобы 1423 г. во второй рукописи собрания написана на бумаге XIX в. (Визирь 1976: 69–70) и поэтому не нуждается в рассмотрении.

В итоге древнейшей рукописью украинского происхождения для рассматриваемого периода оказывается пергаменное Евангелие апракос краткий из собрания Тульского краеведческого музея № 304, написанное в 1422 г. в Онуфриевом монастыре на Сергиевой горе (Запаско 1995: 292–293), которое выглядит почти как современные ему провинциальные среднерусские кодексы. Оно написано гибридным полууставом, достаточно каллиграфическим. Писец употребляет Е широко вместо старого йотированного, Ж почти без верха, И и Н почти неотличимые друг от друга, Т с неровными плечами, одно-стороннее Ч, Ы через Ъ, омегу с высокой серединой. Заставка и инициал плетеные, восходящие к тератологическому стилю.

Остальные украинские источники представляют собой не книги, а грамоты на пергамене и надписи на предметах прикладного искусства. К сожалению, украинские грамоты конца XIV – середины XV в. в этом смысле крайне малопоказательны. Новации в их графике крайне малочисленны и вполне могут объясняться деловым характером письма – образцы см.: (Пещак 1974; Молдован 2000), а подборка грамот XV в. (Русанівський 1965) вообще некорректна, поскольку более чем наполовину состоит из молдавских памятников. Золотой же потир Благовещенского собора изготовлен, вероятно, в Киеве в середине XV в., но снабжен надписью, которую без насилия над палеографией можно было бы датировать если не рубежом XIV – XV вв., то уж несомненно началом XV столетия (Стерлигова, Турилов 2011: 428, 439).

²² При этом он отрицал тождество почерков грамот с почерком кодекса и их одновременность (Гнатенко 2003: 35, примечание).

Вероятно, список источников по изучению проблемы можно было бы и расширить, но, подводя итоги статьи, уместно задаться вопросом – а что послужило причиной такого широкого хронологического разброса примет феномена на восточнославянской территории. Ответ представляется вполне определенным. Главная заключается в хронологии возникновения общежительных монастырей в отдельных регионах, ставших основным потребителем новых переводов аскетической литературы и инициаторами перехода на Иерусалимский устав. У истоков монастырского общежития стоит Северо-Восточная Русь (с центром в Москве), где оно появляется во второй половине XIV в. Уже Новгород существенно отстает, там лишь Лисицкий монастырь долгое время стоит особняком среди обособленных обителей. Еще позже, в последней трети столетия, присоединяется Псков, а Литовская Русь только в самом конце века (Супрасльский монастырь основан в 1490-х гг.).

СОКРАЩЕНИЯ

БРАН – Библиотека Российской Академии наук.

ВЦИ – Вестник церковной истории.

ЗНТШ – Записки Наукове товариство імени Шевченка.

ОР – Отдел рукописей.

ОФР – Очерки феодальной России.

ПС XV доп. – Дополнения к Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986). М., 1993.

СК XIV – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в. в хранилищах России, стран СНГ и Балтии. М., 2002. Т. 1 (А – Лествица).

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы (Институт русской литературы).

ЦМДКИиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.

ЭСФ – Энциклопедия славянской филологии.

ЛИТЕРАТУРА

Амосов 1998 – *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998.

Бетин 1972 – *Бетин Л. В.* Псковская миниатюра 1469 г. и проблемы истории псковской живописи середины XV в. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 196–217.

- Бобров 1991 – *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря // Книгописные центры Древней Руси XI – XVI вв. СПб., 1991. С. 78–98.
- Вздорнов 1968 – *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ., Л., 1968. Т. 23. С. 171–198; переизд.: Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина., Ф. Б. Успенский М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 904–937; ссылки на 2-е изд.
- Вздорнов 1978 – *Вздорнов Г. И.* Исследование о Киевской Псалтири. М., 1978 (прилож. к факсимильному изд.: Киевская Псалтирь 1397 г. из ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ОЛДП, F 6)).
- Вздорнов 1980 – *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV вв. М., 1980.
- Визирь 1976 – *Визирь А. П.* Собрание книг XV столетия в отделе рукописей ЦНБ АН Украины // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 63–70.
- Гальченко 1994а – *Гальченко М. Г.* Из истории книгописания в Спасо-Андрониковом монастыре в конце XIV–XV в. // Книга. Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 69. С. 154–162.
- Гальченко 1994б – *Гальченко М. Г.* Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблемы второго южнославянского влияния в конце XIV–XV в. М., 1994; переизд.: Гальченко 2001. С. 73–113; ссылки на 2-е изд.
- Гальченко 1994в – *Гальченко М. Г.* О древнейшей рукописи из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева // АЕ за 1992. М., 1994. С. 77–84; переизд.: Гальченко 2001. С. 114–126; ссылки на 2-е изд.
- Гальченко 1996 – *Гальченко М. Г.* Датированные новгородские рукописи конца XIV – первой половины XV в. и проблема второго южнославянского влияния // Славяноведение. 1996. № 1. С. 73–82; переизд.: Гальченко 2001. С. 114–126; ссылки на 2-е изд.
- Гальченко 1997а – *Гальченко М.* Лисицкие датированные рукописи конца XIV – первой половины XV в. // *Palaeoslavica*. 1997. Т. 5. С. 59–81; переизд.: Гальченко 2001. С. 325–382; ссылки на 2-е изд.
- Гальченко 1997б – *Гальченко М. Г.* Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ. М., 1997.
- Гальченко 1998 – *Гальченко М. Г.* Датированные рукописи Кирилло-Белозерского монастыря первой половины – середины XV в. и проблема

- второго южнославянского влияния // *Palaeoslavica*. 1998. Т. 6. С. 53–79 (Ч. 1); переизд.: Гальченко 2001. С. 167–194; ссылки на 2-е изд.
- Гальченко 1999 – *Гальченко М. Г.* Датированные рукописи Кирилло-Белозерского монастыря первой половины – середины XV в. и проблема второго южнославянского влияния // *Palaeoslavica*. 1999. Т. 7. С. 39–64 (Ч. 2); переизд.: Гальченко 2001. С. 194–222; ссылки на 2-е изд.
- Гальченко 2000 – *Гальченко М. Г.* О времени появления и характере распространения графико-орфографических признаки второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV в. // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. М., 2000. С. 123–152.
- Гальченко 2001 – *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001 (Труды ЦМДКИиАР. Т. 1).
- Гальченко, Яценко 1997 – *Гальченко М. Г., Яценко А. Н.* Палеографические и графико-орфографические особенности Лествиц 1421 и 1427 гг., написанных в Константинополе и на Афоне русским монахом Евсевием-Ефремом (к вопросу о втором южнославянском влиянии) // *Вопросы языкознания*. 1997. № 1. С. 31–47; переизд.: Гальченко 2001. С. 147–166; ссылки на 2-е изд.
- Гнатенко 2003 – *Гнатенко Л. А.* Слов'яньска кирилична рукописна книга XV ст. з фондів Інституту рукопису Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського: Каталог. Київ, 2003.
- Горский, Невоструев 1917 – *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 2 // *Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских*. М., 1917. Кн. 4.
- Гранстрем 1953 – *Гранстрем Е. Э. (сост.)*. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [ГПБ]: Рукописи русские, болгарские, молдавляхские, сербские. Л., 1953.
- Древности Афона 2004 – *Древности монастырей Афона X–XVII вв. в России*. Из библиотек, музеев, архивов Москвы и Подмоскovie / Каталог выставки. М. 2004.
- Жемайтис 2005 – *Жемайтис С. Г.* К вопросу о происхождении и бытовании Киевской Псалтири (1397–1518 гг.) // *Хризограф*. М., 2005. Вып. 2. С. 126–138.
- Жемайтис 2010 – *Жемайтис С. Г.* Спиридоний – диакон, протодиакон, писец Киевской Псалтири и Евангелия 1393 г.: опыт реконструкции биогра-

- фии // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов / Сб. научных статей. СПб., 2010. С. 128–147.
- Живов 2017 – *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2-х тт. М., 2017. Т. 2.
- Жуковская 1982 – *Жуковская Л. П.* Южнославянские влияния на древнерусскую культуру (О втором южнославянском влиянии) // *Die slawischen Sprachen*. Salzburg; Wien, 1982. Bd. 2. S. 131–144.
- Жуковская 1987 – *Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й половины XV – 1-й половины XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*. М., 1987. С. 144–176.
- Зализняк 2000 – *Зализняк А. А.* Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. М., 2000. Т. X (Из раскопок 1990–1996 гг.). С. 134–429.
- Запаско 1995 – *Запаско Я. П.* Пам’ятки книжкового мистецтва. Українська рукописна книга. Львів, 1995.
- Карский 1928 – *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928 (репринт – М., 1979).
- Кистерев 2001 – *Кистерев С. Н.* Русские книги Афона и Константинополя в Москве, Твери и Новгороде в конце XIV – первой трети XV в. // *МОСХОВИА. Проблемы византийской и новогреческой филологии*. М., 2001. Вып. 1: К 60-летию Б. Л. Фонкича. С. 219–227.
- Колесса 1925 – *Колесса О.* Ужгородський «Полуустав» у пергамінівій рукописи XIV в. (отд. оттиск из ЗНТШ. Львів, 1925. Т. 143–145).
- Кульбакин 2008 – *Кульбакин С. М.* Славянская палеография (штампа се као рукопис). Београд, 2008.
- Лавров 1914 – *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение славянского кирилловского письма. Пг., 1914 (на обложке 1915) = ЭСФ. Вып. 4.1.
- Левшина 2013 – *Левшина Ж. Л.* «Болгаризированное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и второе южнославянское влияние // *ОФР*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. Вып. 16. С. 39–47.
- Лифшиц 1995 – *Лифшиц А. Л.* К вопросу о центрах книгописания древней Руси: Рукописи XV века из Переслава Залесского // *Архив русской истории*. М., 1995. Вып. 6. С. 181–195.
- Лихачев 1899 – *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1 (Исследование и описание филигранных).
- Лихачев 1958 – *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

- Логвин 1971 – *Логвин Г. Н.* Київська Псалтир // Українське мистецтвознавство. Київ., 1971. Вип. 5. С. 179–199.
- Молдован 2000 – *Молдован А. М.* Пять новонайденных украинских грамот конца XIV – начала XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2000. М., 2000. С. 261–277.
- Никалаеў 1993 – *Никалаеў М.* Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі X–XVIII стст. Мінск, 1993.
- Пергаменные рукописи 1976 – Пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР: Описание русских и славянских рукописей XI–XVI вв. / Сост. Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976.
- Пешак 1974 – *Пешак М. М.* Грамоти XIVст. / Упорядкування, вступна стаття і словники-показчики М. М. Пешак. Київ, 1974.
- Полоцкие грамоты 2015 – Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. / Изд. подг. А. Л. Хорошкевич, С. В. Полехов, В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. М., 2015. Т. 2.
- Поппэ 1976 – *Поппэ А. В.* К истории романских дверей Софии Новгородской // Средневековая Русь. М., 1976. С. 191–200.
- Розов 1981 – *Розов Н. Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981.
- Русанівський 1965 – Українські грамоти XV ст. / Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. Київ, 1965.
- Рындина 1996 – *Рындина А. В.* Новгородское серебряное дело XIII–XV вв. Каталог // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М., 1996 (Серия «Центры художественной культуры средневековой Руси»). С. 254–266.
- Смирнова 2011 – *Смирнова Э. С.* Искусство книги в средневековой Руси: Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV в. М., 2011. 2-е изд.
- Соболевский 1894 – *Соболевский А. И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв.: Речь, читанная на годичном акте Археологического института. СПб., 1894; переизд.: 1) Он же. История русского литературного языка. Л., 1980. Прилож. С. 147–158, 190–191 (приложения здесь опущены); 2) Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры / Сост. А. Ф. Литвина., Ф. Б. Успенский М., 2002. Т. 2. Кн. 1 (Киевская и Московская Русь). С. 888–903. Ссылки на 3-е изд.
- Соболевский 1899 – *Соболевский А. И.* Палеографический атлас. Снимки с южнославянских и русских рукописей XI–XVI вв. / Под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1899.
- Соболевский 1903 – *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси: Библиографические материалы. СПб., 1903 (= СОРЯС. Т. LXXIV. № 1). Репринт – Leipzig, 1989.

- Соболевский 1908 – *Соболевский А. И.* Славяно-русская палеография: Лекции. СПб., 1908.
- Стерлигова, Турилов 2011 – *Стерлигова И. А., Турилов А. А.* Золотой потир из Благовещенского собора как памятник искусства и эпиграфики // Московский Кремль XV столетия. М., 2011. Т. 1. С. 428–439.
- Тихомиров 1968 – *Тихомиров М. Н.* Описание рукописей Тихомировского собрания. М., 1968.
- Турилов 1982 – *Турилов А. А.* К вопросу периодизации русско-южнославянских литературных связей XV – начала XVI вв. // Руско-балкански културни врзки през Средновековието / Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С. 68–74; переизд. с уточн. и доп.: 1) Турилов 2010. С. 350–364; 2) Турилов 2013. С. 584–595; 3) Турилов 2014. С. 291–306. Ссылки на 2-е изд.
- Турилов 1998а – *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV вв. // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. С. 321–337; переизд.: 1) Търновски писмена: Алманах за Търновска книжовна школа. В. Търново, 2009. С. 193–228; с испр. и доп.: 2) Турилов 2010. С. 235–282; 3) Турилов 2013. С. 584–595; 4) Турилов 2014. С. 247–290. Ссылки на 3-е изд.
- Турилов 1998б – *Турилов А. А.* Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси (к 110-летию выхода в свет труда А. И. Соболевского) // ВЦИ. 1998. № 1–2. С. 3–38 (переизд. с уточн. и доп.: 1) Турилов 2011. С. 161–200; 2) Турилов 2014. С. 327–360). Ссылки на 2-е изд.
- Турилов 2001 – *Турилов А. А.* Забытые русские святогорцы – Каллиник и «филадельф» (Страничка истории русского книгописания на Афоне в конце XIV – начале XV в.) // МОСХОВІА. Проблеми византийской и новогреческой филологии. М., 2001. Вып. 1: К 60-летию Б. Л. Фонкича. С. 431–440.
- Турилов 2004 – *Турилов А. А.* К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. // Древнерусское искусство: Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 373–390.
- Турилов 2010 – *Турилов А. А.* Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М., 2010.
- Турилов 2011 – *Турилов А. А.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софиянина: История и культура славян XI–XVII вв. М., 2011.

- Турилов 2012 – *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2013. С. 584–595.
- Турилов 2014 – *Турилов А. А.* Исследования по славянскому и сербскому средневековью / Студије из словенског и српског Средњег века. Београд, 2014.
- Успенский 2002 – *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002 (изд. 1 – München, 1987; изд. 2 – Будапешт, 1988).
- Щепкин – *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М., 1967.

Anatolij A. Turilov

Institute of Slavic Studies

of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**On the Question of Regional Variants
of the “Second South Slavic Influence”
(Paleographic and Orthographic Aspects)**

The article is devoted to the paleographic and orthographic aspects of the so-called “second South Slavic influence” on Russian writing dating the end of the 14th – 15th centuries, which remains the least studied aspect of the problem so far. The paper examines the chronological framework of this phenomenon, which were not synchronous in certain parts of the vast territory inhabited by Eastern Slavs. The author considers the reason for this, first of all, the peculiarities of the emergence of so-called kinovial monasteries in different areas.

Key-words: Russian writing of the 14th – 15th centuries, the “second South Slavic influence”